

Ксюша Иванова

Сдавайся, мерзавец!

«Литнет»

2022

Иванова К.

Сдавайся, мерзавец! / К. Иванова — «Литнет», 2022

- Егорова! Ты, что ли? - раздается сбоку. - Нет, Соколовский, это не я. У тебя солнечный удар. Умопомрачение! Привиделось! Шагай себе мимо! - запрещаю себе даже смотреть в его сторону. Ну, за что? Я! Прилетела за тридевять земель! Чтобы оказаться подальше от этого чудовища! Отдохнуть от него! А он здесь! Сзади, громяхая чемоданными колесами, несется Варька, бешено крича, как будто ее кусает стая акул и матерясь, на чем свет стоит. Точно! Это у меня передоз от Варькиного присутствия случился! И мне привиделось просто! Это другой мужик, отдаленно на него похожий! Останавливаюсь. Оборачиваюсь. Это он! О, мамочки! Господи, за что ты дал этому козлу такую внешность? Ну, пусть бы он был горбатый! Или низкорослый! Или, хотя бы, косой! Но нет же! Нет! У него такие глаза! У него губы...

© Иванова К., 2022

© Литнет, 2022

Содержание

1 глава. Самое заветное желание	5
2 глава. Чудо	7
3 глава. Всё включено	8
4 глава. Чувство гордости	10
5 глава. Массажик	12
6 глава. От ненависти до...	14
7 глава. Целовать мужика	16
8 глава. Сумасшедшие русские	18
9 глава. С тобой	20
10 глава. Не до сна...	22
11 глава. Приступим	24
12 глава. Не дыша	26
13 глава. Разочарован	28
14 глава. Ревность	30
15 глава. Некрасивая	32
16 глава. Поговорим?	34
17 глава. Про секс	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

1 глава. Самое заветное желание

- Настя, на нас такой красавчик смотрит! Да, не оглядывайся ты! Тихо! На-астя!

- Слева?

Кошусь налево. Там пожилой дедулька размахивает палкой с закрепленной на ней картонкой. На картонке что-то написано по-английски. Наверное, по-английски... Жаль, что я в школе немецкий учила.

- Да нет же! Справа, Настя! Справа! Ну, елки! Ты такая прямая, блин, как бронепоезд! Куда так резко оборачиваешься?

- Не шипи, - команду Варьке и оборачиваюсь, чтобы увидеть и, так сказать, расставить все точки... А что, вдруг там какой-нибудь знойный турок - в арафатке и с модной бородкой, загорелый брюнет со страстным взглядом? С радостной улыбкой и полным ошеломительного предчувствия сердцем, оборачиваюсь...

- О, Боже!

Хватаю чемодан и, забыв про Варьку, несусь прочь из аэропорта! Глюк! Просто турбулентность в самолёте. Что там еще? Укачало. Нажралась, в конце концов! Два бокала конька по такой жаре - это, я вам скажу, просто ого-го сколько для непривычного женского организма!

- Егорова! Ты, что ли? - раздаётся сбоку.

- Нет, Соколовский, это не я. У тебя солнечный удар. Умопомрачение! Привиделось! Шагай себе мимо! - запрещаю себе даже смотреть в его сторону.

Ну, за что? Я! Прилетела за тридевять земель! Чтобы оказаться подальше от этого чудовища! Отдохнуть от него! А он здесь! Только не реветь! Только держаться! Из последних сил!

Сзади, громыхая чемоданными колесами, несется Варька, бешено крича, как будто ее кусает стая акул и матерясь, на чем свет стоит. Вот точно ее сейчас оштрафуют! Вот как пить дать! Так вести себя в общественном месте! Это у меня передоз Варькиного присутствия случился! Поэтому и показалось все это просто! Это не он! Это другой мужик, отдаленно на него похожий!

Останавливаюсь. Оборачиваюсь. Это он!

О, мамочки! Господи, за что ты дал этому козлу такую внешность? Ну, пусть бы он был горбатый! Или низкорослый! Или, хотя бы, косой! Ну, пусть бы у него были редкие волосы или бородавка на носу...

Но нет же! Нет! У него такие глаза! Мама дорогая! У него губы...

- У всех губы! - возражаю сама себе.

- Егорова, ты умом тронулась в Турции? Какие губы? - эта сволочь еще и бровь умеет поднимать так красиво... и даже морщинки на лбу от этого не появляются! За что? За что все самое красивое досталось сразу одному человеку? Да еще такому мерзкому, подлому человеку?

- А давай, Соколовский, я сейчас зажмурю глаза, - почти поверив в появившуюся в голове мысль, крепко зажимаюсь. - И ты, как страшный сон, растаешь в утренней дымке?

- Здорово придумано, Егорова! Припереться следом за мной в другую страну и теперь делать вот такие вот мне заявления - это вполне в твоём духе!

- Да я! Да я не... - задыхаюсь и не могу подобрать слов, чтобы объяснить, что я за ним никуда не приперлась! Я поехала отдохнуть с подругой и, пожалуй, можно себе признаться - одна из главных причин этой поездки, это именно желание оказаться как можно дальше от этого мужчины! - Я не знала, что ты здесь будешь! Иначе ни за что не поехала бы!

- А знаешь, Егорова, я согласен, - с тяжелым вздохом говорит он. - Так и быть, давай я уже исполню твоё самое заветное желание, и ты наконец, навсегда отстанешь от меня? А?

- Какое желание? - не могу вникнуть я.

- Пересплю с тобой.

Сзади в спину врезается Варька. На пятку наезжает ее чемодан. И я уже просто не знаю, от чего именно мне так хочется орать на весь аэропорт - от наглости Соколовского или от боли!

- О, турецкий бог! - благоговейно шепчет Варька. - Если она откажется, переспи со мной!

2 глава. Чудо

- Ну, чудо просто! Самое настоящее чудо. А мне говорили, что в Турции мужики обожают полненьких русских девушек! Мне говорили, что у них практически фетиш такой! А я не верила! Вот дурочка! Нет, ну, надо же! Мы только с самолета слезли, а тут уже та-кие мужики переспать предлагают! Ну, что это, если не чудо? Я обожаю Турцию! Я ее уже обожаю!

Тяжело вздыхаю. Сейчас она выскажется, пауза наступит, и я, наконец, смогу ей объяснить, как на самом деле обстоят дела!

- Ах, какой же красавец, Аська! Просто потрясающей красоты мужик! Чудо, а не мужчина! Высокий блондин! Загорелый! Мускулистый! Глазищи такие огненные! Очаровательная небритость... Руки! Ах! Так и представляю себе, как он меня прижимает этими ручищами к своему обнаженному телу! - Варька закатывает глаза к потолку, очевидно представляя себе все выше названное. - И ты, дура ненормальная! Ты даже номер телефона не взяла у него! А он тебе, между прочим, переспать предлагал!

- Номер телефона он, кстати, не предлагал, - заползаю в номер и устало бреду к кровати, предоставляя подруге почетное право расплатиться с носильщиком.

- Он предложил кое-что гораздо круче! А уж телефон могла бы и сама попросить! - возмущается Варька. - Хоть какая-то инициатива должна же от тебя исходить? А ты... ты вообще...

- Да тебе-то что? Тебе-то он не предлагал ничего!

С опаской поглядываю на подругу - вдруг обидится. Но нет, она продолжает, как ни в чем не бывало, возмущаться:

- А вдруг у него друг есть? Такой же красавчик? И я из-за тебя упустила свой единственный шанс!

- Ну, если единственный... - вяло отвечаю ей, думая о своем. - Тогда в моем телефоне можешь взять его номер.

- Да-а? Правда? И когда ты успела? Неужели он сказал, а ты запомнила и потом в такси в телефонную книгу вбила?

- Тебе бы книги писать с такой фантазией...

- Нет! Ну, я серьезно!

Варька лезет в мою сумку и вытаскивает оттуда мой телефон.

- Как его зовут? - поглядывает на меня с нетерпением.

- Подлец.

- Чего? Это по-турецки, что ли? Смешное какое имя! Прикинь, как его ласково называть? Подя? Подля? Ну чего ты ржешь? Бедный парень! Такой красивый и такое имя жуткое!

- Варька, заткнись! - кидаю в нее полотенцем, которое в форме лебедя до этого стояло на моей подушке. - Его Арсений зовут. Соколовский. Арс. Ну, помнишь, я тебе рассказывала... А «подлец» - это я его так в телефонной книге обозначила!

- Ах, подлец этот! О! Точно! Хм... - она бросает телефон на кровать рядом со мною и падает на свою, раскинув в стороны руки и добавляет разочарованно. - Так он не турок?

- Не смей меня! Ну, какой из него турок? Он блондин! Глаза голубые. По национальности - русский. По складу характера - мудака. В Турции такие не выживают!

- Жаль! Как же жаль! Стоп!

Она резко садится и выпучивает до предела глаза.

- Что?

- Как он здесь оказался?

- Вот такое вот... чудо!

3 глава. Всё включено

- Интересно... а в плане... ик... баб... у них тоже... ик... всё включено?

- Тебе, братишка, поздно об этом думать.

Тащу Ильюху на себе из бара. Нет, здесь все классно - солнце, море, спиртное бесплатное, девки первосортные... только брат снова перебрал, а его молодая жена в номере, скорее всего, рвет и мечет - она ненавидит, когда Илья напивается. И это объяснимо - пьяный, он, просто невыносимый!

- А я... ик... не о себе... волнуюсь! А о тебе!

- Если бы мне была нужна баба, поверь мне, я бы ее нашел!

- Всем нужна баба! - возмущенным голосом выкрикивает брат.

- Ну, некоторым она нужна навсегда, а некоторым - потрахаться и все дела.

- Всем навсегда!

Илья заводится. Это слышно. А когда Илья заводится, всем, кто находится рядом, нужно прятаться - непреложный закон.

- Пусть будет так, - соглашаюсь, пытаюсь во что бы то ни стало дотянуть до номера Ильи и его жены Лены. - Всем навсегда!

- Угу, - бормочет он, засыпая буквально на моём плече.

- Ильюха, так! Не спать! Слышишь? Только не спать сейчас!

- Мхм, - бормочет он.

С трудом заваливаемся с ним в лифт и... там, внутри встречаемся с Егоровой и ее подружкой!

Согнувшись под тяжестью мощного Ильи, игнорирую. Но блин! Ее в такой неприятной ситуации видеть совсем не здорово! Куда они едут? Еще ниже? На парковку, что ли?

Посматриваю в зеркало. На шпильках. Похудела. Сколько мы... месяц не виделись? Делает вид, что не замечает меня. Я тебя, Егорова, тоже не вижу в упор!

- Спа-ать, - бормочет Илья, пытаюсь сползти по мне на пол.

- Стоять! - командую я.

Но он как-то враз становится тяжелее раза в три, а весовые у нас с братом сильно отличаются. Ильюха садится на пол в лифте, повесив голову на грудь. Офигев от позора, стою, не зная, что делать дальше.

Блядь, а ножки у нее замечательные. Ну, это, наверное, из-за босоножек! Они с ремешками. И ремешки эти внизу замысловато переплетаются, подчеркивая красивые икры. Круглые колени, платье, чуть до них не достигающее. Крутые бедра, выраженная, пусть и не точеная талия. Грудь... О, здесь, вообще, все у Егоровой зашибись! Интересно, эти сиськи в обнаженном виде так же здорово смотрятся?

- Что, Соколовский, видит око, да зуб неймет?

- Я не понимаю твой фольклор, Егорова, - отшиваю, вроде бы, в лучших традициях наших словесных пикировок, но потом (это бесплатная выпивка виновата!) вдруг добавляю. - А куда это ты направляешься в таком виде?

Вижу сразу - поплыла! Приняла мои слова за комплимент, глупая! Теперь у нас «в таком виде» означает – «ты прекрасна, как никогда»? За интерес к своей персоне мой вопрос принял? Дурочка!

- А я, Соколовский, иду туда, откуда тебя с товарищем только что выперли!

Пить, что ли?

- Да узнают в Турции, как умеют пить бабы из России! - мысленно посылаю ей картинку-воспоминание о том, как она напилась на прошлый Новый год и что говорила мне,

вынужденному отвезти коллегу домой. Краснеет. Отворачивается, гордо задрав вверх подбородок.

- Ну, что вы, Арсений, - играет бровями ее подруга (имя мое уже знает, значит, обсуждали вечером нашу встречу в аэропорту). - Мы свою меру знаем. А вы отнесёте... своего друга, и приходите к нам - покажите, как умеют пить русские мужчины.

- Как вы уже успели заметить по... моему другу, на сегодня мы уже показали все, что могли...

Лифт останавливается. Егорова шагает прочь из него. Мелкая ее подруга бледной молью на фоне внушительных габаритов Анастасии протискивается в двери вслед за нею. А я руками зачем-то пытаюсь поднять с пола Илью, хотя нам с ним наверх на седьмой ехать надо, но глаза следят за тем, как уверенно и быстро по крытому холлу, отделяющему зону лифтов и паркинг, идет Егорова. Как ее бедра покачиваются. Это - 25-й кадр какой-то! Зрелище откладывается на подкорке, не давая мне отвести глаза! Ух, какая! Но это же Егорова! Помнишь, Арс, сколько раз она делала тебе гадости по работе? Ну, и даже это - ерунда полная. А вот тот факт, благодаря которому она оказалась у нас в отделе, покинув тепленькое и гораздо более высоко оплачиваемое местечко в прокуратуре, забывать не стоит!

Фу, Егорова! Даже смотреть на тебя противно!

4 глава. Чувство гордости

- Сейчас я тебе, Настюха, продемонстрирую чудеса пикапа! – намазываясь кремом от загара, я готовлюсь к очередному представлению от своей подруги, которая решила, что ни за что на свете не уедет из Анталии, не попробовав красивого местного мужика.

- Ты хоть заранее покажи мне объект, а то будет скандал, как в прошлый раз! – а так я, хотя бы, понаблюдаю за ним пару минут, чтобы убедиться, что Варька не выбрала себе снова женатого парня.

- Он точно не женат, - жарко шепчет она мне на ухо, отбирая тюбик с кремом. – Ни одной бабы возле него вот уже сорок минут не замечено! А такого ни на секунду в одиночестве оставлять нельзя!

- Крем-то тебе зачем? Ты же намазалась уже...

- Ох, Аська! Это... реквизит! Ладно, пожелай мне удачи!

Походкой от бедра Варька идет в сторону барной стойки кафе, которое находится в двадцати метрах от шезлонгов на берегу моря. Красивая зараза! Ножки, фигурка – всё при ней! Еще бы скромности чуть-чуть поднабраться, да умения ценить себя... Впрочем, последние два качества у тебя, Настенька, в избытке, а толку от них, как с козла молока! Только вред один! Современным мужикам модельные фигуры подавай... Эх, жила бы я веке этак в девятнадцатом! Там бы, наверное, была самым востребованным товаром!

Глаз фиксирует цель по направлению Варькиного движения. Ого-го! Ух просто! Немного смущают его слишком узкие стринги... Но мало ли, может быть, здесь так принято. Всё-таки мы здесь второй день всего лишь, еще не разобрались, в чем ходят местные отдыхающие. А в этих стрингах (или как это чудо дизайнерской мысли называется?) так явно обрисовано все то, что находится внутри, что просто глаза смотрят только туда!

Беру коктейль и укладываюсь на шезлонг, расслабляясь под лучами кажущегося ласковым утреннего турецкого солнца.

Нет, все-таки стринги эти меня смущают!

Пока Варька на ломаном английском уговаривает красавца намазать ее спину кремом, я задумчиво пялюсь на его эти веревочки с треугольничком впереди.

Нет, ну, допустим, аппарат у него маленький, поэтому легко помещается в лоскуток. Но, по идее, гордиться-то нечем - нормальный мужик ни за что бы не признался, что у него в трусах мизинчик такой. Ну, и задницу оставлять практически голой, прикрыв то, что находится между ягодиц, веревочкой, тоже, на мой взгляд, не комильфо.

Ведь женщина о чем думает, когда эту веревочку видит? Правильно, о том, не трет ли она ему самые уязвимые места. А еще о том, на хрена мужику брить задницу... О! Догадка буквально ошпаривает мозг!

- Варвара! - кричу подруге, подхватываясь с лежака. - Иди сюда!

Но мужичок с лысым черепом и тату на всю спину подходит к ней первым. Встает рядом с ними, чуть приобняв за плечи красавца в бикини.

И нет, он, в отличие от жены последнего Варькиного "объекта", не вцепляется в ее волосы. Просто что-то спокойно и даже с улыбками объясняет Варваре, показывая то на себя самого, то на своего друга.

А Варькино лицо с восторженно-восхищенного вдруг меняется на расстроенное и грустное.

Окончательно передумываю ее спасти я тогда, когда один из мужчин вдруг обнимает ее за плечи и через прослойку воздуха целует в щеку. Всё, акт примирения совершен, Варька "убита", "мужик" "отстоял" свои владения!

Укладываюсь на свое место. Расслабляюсь, пытаюсь отстраниться от гула голосов и музыки, доносящейся из бара.

Да, как мало для нас, простых женщин, осталось возможностей... И сколько у нас конкуренции... Мужики и так - вымирающий вид, а тут еще спят с себе подобными... А нам как быть? Кому сказать! На курорте второй день подряд Варька парня снять не может! А ведь дома была уверена, что уже на трапе самолета найдет себе воздыхателя!

Кто-то проходящий мимо неожиданно цепляется за мой шезлонг, спотыкается и, оглушая округу отборными русскими матами, летит на землю! Вскрываю на своем месте!

Соколовский?

Небритый, слегка помятый (после вчерашнего загула в баре?), по пояс голый, в одних только длинных, почти по колено, шортах! Сидит возле моего шезлонга прямо на земле, потирая ушибленную ногу.

- И тут ты, Егорова! Какое недоброе утро!

- Было бы доброе, если бы ты смотрел, куда шел! - привычно огрызаюсь я, укладываясь обратно и закрывая глаза солнечными очками.

- Как погуляли вчера? - зачем-то спрашивает он.

- С какой целью интересуешься?

- Хочу знать, не посрамила ли ты честь русского полицейского мундира?

- Если и посрамила, то ты об этом никогда не узнаешь...

Посрамишь тут, если вокруг только женатые, голубые и любители худосочных женщин-кузнечиков! А в баре, кроме выпивки и еды, подают только вялое караоке и никакого тебе мужского стриптиза!

- Захотел бы - узнал. Забыла, что ли, кем работаю? Да только надо оно мне...

И уже в удаляющуюся спину я кричу:

- Так, если не надо, зачем тогда спрашивал?

Но почему-то эти его длинные шорты странным образом вызывают у меня чувство гордости за русских мужиков! Мало того, что они - самые красивые, так еще и умеют сохранить интригу о размере того, что спрятано под одеждой!

Но моя эйфория сменяется другим, разъедающим душу, неприятным чувством, когда Соколовский, разбежавшись, ныряет в бассейн. Потому что почти все бабы в округе, облизываясь, любят мерзавцем! И даже, кажется, несколько мужчин...

5 глава. Массажик

- Арсик, а давай я тебе в номере массажик сделаю?

- Делай здесь, - вяло бросаю Ленкиной подруге, взятой на курорт явно с целью охомутиения меня, любимого.

- Ла-а-адно! - разочарованно тянет она, копошась надо мною.

Ну, вот не нравится мне Ульяна! А сюсюканья эти "Арсик", "массажик", "коктейльчик"... вообще, вызывают рвотный рефлекс. Но Ленка - с недавних пор жена моего брата. И она - вроде бы девчонка неплохая. Поэтому я и терплю ее подругу только ради нее и брата...

Ульяна нагло усаживается сзади на мои ягодицы. Еще и пару раз подпрыгивает на них, как будто репетирует себя в позе наездницы. Член больно впечатывается в твердый лежак. Морщась и приподнимая ее на себе, поправляю.

Видимо, принимает желание спасти детородный орган за страстную реакцию на нее, неотразимую. Прикладывается грудью к моей спине. Купальник мокрый. Я горячий. Да и сиськи у нее - две сливки, упакованные в сплошные косточки - никакого тактильного удовольствия! Морщусь, призывая на помощь все свое терпение!

- Массаж, Ульяна! Ты обещала! - напоминаю ей.

- Угу, - чмокает в плечо, как будто имеет на это право. - Сейчас все будет, Арсик мой!

И все не так: масла слишком много, пальцы слишком жесткие, движения эротизма лишены напрочь, а еще она ерзает на моей заднице и даже при ее воробыином весе нижняя часть моего тела неприятно трется о твердый шезлонг.

С тоской обвожу взглядом заметно поредевшее к полудню пространство около бассейна. Егорова с подругой вещи собирают... Вот у капитана нашего сиськи - так сиськи! Там есть за что подержаться и чем уткнуться в спину мужику! Даже я утром так засмотрелся, что споткнулся об ее лежак!

А еще голой (ну, ладно, в трусах и лифчике) я ее в первый раз видел. Обычно Егорова носит китель, ну, пару раз платье на праздники надевала, ну, спортивный костюм в гостях у Дыминых... А тут! Тут роскошь просто, а не тело! Она не толсто-рыхлая, а скорее сбитая, плотная, со всеми необходимыми выпуклостями и сужениями. Кожа белая, нежная, влажная от крема для загара (или чем там она себя намазала?)...

Егорова наклоняется, вытаскивая из-под шезлонга упавшее полотенце. Задница в обтягивающих трусах-шортиках с моего ракурса в такой позе - просто зашибись как горячо! В размякшем под жарким полуденным солнцем мозгу мгновенно возникает картинка:

Я сзади. Она - на коленях. Головой впечатать в подушку. Обеими руками схватить за эти крутые бедра и трахать, не жалея, так, чтобы на весь номер стонала!

Тело перередергивает в предвкушении. Яйца поджимаются до боли.

Блин...

- Уля, слезь с меня, а? Будь человеком! Сядь сбоку, пожалуйста! Иначе я точно импотентом стану...

- О-о-о! - шепчет с придыханием на ухо. - А я предлагала... в номерок подняться...

Сползает. Садится на соседний шезлонг. Мнет мне плечи, шею. И это, наверное, должно расслаблять, но вкупе с моими мыслями заводит еще сильнее! И я не могу оторвать глаз от удаляющейся Егоровой! И мне тошно от этого! Нашел на кого пялиться, идиот! И все равно смотрю...

Егорова шлепает босиком по плитке, которой покрыто все пространство перед бассейном, то и дело становясь на цыпочки - горячо ей, видимо. Заколка с волос съехала. Длинные черные пряди висят вдоль спины...

Намотать их на руку, чтобы ее спина изогнулась, голову повернуть, дотянуться губами до сочных розовых губок, второй рукой сжать грудь... Я даже могу себе представить, как она колышется от каждого моего толчка! А-а-а! Егорова - зараза! Или это я на солнце перегрелся?

Подняться, что ли, в номер с Ульянкой? Просто напряжение сбросить?

Мозг вступает в схватку с телом... Телу хочется трахать уже все равно кого. А вот мозг желает кого-нибудь непохожего на Ульку. Мозг желает, чтобы волосы были черные, сиськи большие, задница конкретная... Ну, елки! Это уже даже не смешно! Кому сказать, что я запал на Егорову, засмеют же! А если Мик или Дым узнают, мне просто не жить тогда! Да и не запал я. Так... От недотраха... Потому что было уже, проходили... Чуть было уже не попался в ее сети...

Егорова скрывается за дверями гостиницы. И я почему-то очень быстро, буквально в течение минуты, остываю. И не помогают даже руки моего "массажиста", настойчиво заползающие под шорты и пытающиеся добраться до моей задницы. И настроения реанимировать изнуренный турецкой жарой член у меня не возникает.

6 глава. От ненависти до...

Ненавижу! Ненавижу! Ненавижу! И Соколовского ненавижу! И всех его баб! И морду его красивую! И спину загорелую! И ее наманикюренные пальцы на его плечах! А больше всего я ненавижу тот факт, что у меня нет ни единого шанса заменить на свои ее пальцы на его коже!

Заперевшись в одной на двоих с Варькой ванной, прислоняюсь разгоряченным лбом к зеркалу.

Три месяца на жесткой диете. Варька говорит, что мне должны пирожные даже во сне являться! А мне является мерзавец-Соколовский со своими наглыми глазами!

Благодаря Турции, я теперь знаю, почему он даже летом на работе всегда в рубаше с длинными рукавами. У него на плечах татуировки, а наш полкан это дело очень не приветствует. А это безумно красиво. Рисунки на его коже... на мускулах...

Сердце ноет... Тело ноет... Грудь тянет... Не хочу больше Турцию! Домой хочу! Или хотя бы разбить что-нибудь об голову его подруги... об его голову нельзя. Красивый.

- Аська! - в дверь тарабанит Варька. - Мне тут Махмуд, ну, этот... портье наш, предлагает на экскурсию отправиться! Ты слышишь?

- Слышу. На какую экскурсию?

- Да их тут куча просто! Есть шопинг-туры в соседние города, есть поездки по достопримечательностям, есть многодневные сплавы на каких-то тубах...

- Сейчас выйду - посмотрим...

Может, правда, рвануть куда-нибудь подальше отсюда на пару дней? Отвлечься. Не видеть его с этой селёдкой.

Селёдка - тощая блондинка с рыбьими глазами на выкате и выступающими на бедрах костями, ни на шаг от Соколовского не отходит...

Привез ее сюда. Серьезно у них, значит... От этой мысли хочется выть, рвать волосы на голове или хотя бы врезать селедке...

Пока он был свободен и на корпоративных пьянках заявлял, что "серьезные отношения не для него", периодические загулы с девчонками из нашего отдела я воспринимала спокойно. Понимала, что шансов у меня ноль, а мужские потребности никто не отменял.

А теперь... Теперь он женится и перестанет приходить по утрам к следователям, чтобы тиранить мой (а с недавних пор нарезанный исключительно ради него) бутерброд...

А-а-а! Бьюсь лбом об зеркало. Ну, почему все так несправедливо?

...Смотрим туры. Шопинг отмечается сразу - денег мы взяли немало, но смысл их здесь тратить на шмотки? Хочется побольше интересного посмотреть в этой стране - я нигде раньше не бывала... Как говорится, чтобы было, что вспомнить!

- Может, на плотях, или этих, как их там, тубах сплавимся? Красоты местные посмотрим... О, предлагают переночевать на берегу горного озера с молодильной водой!

"Залезу в озеро этой толстой страшилой, а вылезу стройной красавицей", - мысленно добавляю я!

- Стой-стой! Глянь, тут какой инструктор! О! Да! В палатке под звездным турецким небом я сексом еще никогда не занималась! Ох, с таким парнишей я точно зажгла бы!

- Ты думаешь о чём-то, кроме секса?

- А ты? Я видела, как ты на подлеца засматривалась!

- Это ты заметила, когда педика снять пыталась? - перевожу стрелки я.

- Ой, ну, зачем ты так о нем? Алекс замечательный! Он и Вик любят друг друга!

- А как же "Бог создал мужчину и женщину"? Твои, между прочим, слова?

- Разве они виноваты, что полюбили друг друга?

- По твоей логике, разве виноват маньяк, что он любит растлевать несовершеннолетних? Гомосексуализм - это распущенность, извращение! Это не есть норма!

- Но Вик говорит, что муж, избивающий свою жену, пьющий и неработающий - это извращение. А они заботятся друг о друге и счастливы!

- Как быстро и качественно в течение получасового разговора тебе промыли мозг! Либо мое средство хорошее, либо мозг настолько мал, что промывать там нечего...

Она уходит в ванную, обиженно хлопнув дверью. А я, натянув первый попавшийся сарафан, иду прочь из гостиницы. Такой вечер потрясающий! Грех не посмотреть на ночное турецкое море... Да и Варьке полезно подумать в одиночестве.

7 глава. Целовать мужика

Набережная тянется вдоль длинного узкого пляжа на несколько километров. С колеса обозрения, находящегося у самого пляжа, хорошо виден курортный город, освещенный не хуже, чем Москва в предновогодние дни. Все разглядывают именно город. Поворачиваюсь в другую сторону.

Но и море видно тоже далеко. А там - на линии горизонта огоньки кораблей, а чуть ближе - гремющие музыкой прогулочные яхты. Чуть в стороне от колеса - освещенный специальными фонарями причал для яхт и катеров, уходящий далеко в море. А рядом с причалом на валуне сидит девушка. Поднявшийся к вечеру небольшой ветерок играет ее длинными волосами...

Мне ее отсюда с высоты не разглядеть, конечно, но взгляд, как намагниченный, упорно тянется в ее сторону и липнет, липнет, липнет!

- В кафе? - спрашивает Леночка, когда мы слезаем с колеса. - Хочу простой жареной рыбы. С сухим вином. И чтобы лимончиком было сбрызнуто...

Я хочу водки и мяса. Но после вчерашнего Илье разрешено только издалека смотреть на спиртное. Поэтому, тяжело вздохнув, он идет в ближайшее кафе есть рыбу. Пить без компании в кафе - интереса никакого нет. И я решаю потворствовать именно своим желаниям и, купив того, чего мне надо, отправиться в одиночестве в номер.

- Арс, ты куда? - не успеваю сделать и пары шагов в сторону, как Ульяна просекает маневр.

- Э-э... сигареты куплю. В кафе они в сто раз дороже.

И считай меня жлобом, если хочешь! Мне по фиг. Мне надо уйти и всё. Чувствую, что надо!

Это, конечно, не имеет никакого смысла, но я из чистого любопытства иду в сторону валуна, на котором сидела девушка.

Сидит! И мало того, что сидит, она еще и пьет прямо из бутылки! Ну, точно - русская! Только наши - такие бесстрашные! И не боится, что оштрафуют!

- Эй, русалка! Ты пьешь волшебное средство, чтобы хвост превратился в ноги?

Застывает, не донеся бутылку до рта. Стоп! Это же...

- Нет, Соколовский! Я пью за то, чтобы мужики трахались исключительно с бабами, а не лезли бы, как тараканы, друг на друга.

- Чего?

- Пью против гомиков.

- Можно пить против кого-то?

- Как видишь, можно.

Залезаю к ней. Настроение какое-то странное. Вот бывает так - чувствуешь, что нужно что-то, что хочется чего-то, куда-то требуется пойти, а понять, чего нужно и хочется, не можешь! Вот и у меня сейчас примерно так. И сидеть с Егоровой нет большого желания, но и разочарования, что моей русалкой неожиданно оказалась именно она, тоже почему-то нет...

Сажусь в полуметре. Красиво здесь очень. Море, как будто вокруг, а все, что не море, - небо! И даже мысль мелькает, что мы с Настей одни на всем белом свете...

- Будешь? - протягивает мне бутылку.

Шампанское.

Беру.

- Чтоб все гомики сдохли? - предлагаю тост, исходя из услышанного от нее.

- Нет, зачем же? Пусть живут...

- А за что тогда?

- Ну, что тебя сейчас больше всего заводит, за то и выпей!

Она даже головы в мою сторону не поворачивает. И я понять не могу - шутит, намекает или каким-то образом догадалась, ЧТО или, точнее, КТО меня "сейчас больше всего заводит"?

Молча делаю глоток. За тебя, зараза!

- Слушай... Но вот чисто из любопытства, - поворачивается ко мне, и ее глаза в темноте возбужденно поблескивают. Вампириша прямо! - Тебе никогда не хотелось мужика... поцеловать?

Пытаюсь представить, как целую Дыма. Картинка даже не лепится. Подставляю на его место Мика (ну, а вдруг Дым - просто типаж не мой?). Сразу представляется его покрытая щетиной морда... Фу! Какая мерзость! Стоп! А может, это ее очередной прикол? Я сейчас реально задумался, а она потом всем в отделе об этом рассказывать будет? Отвечаю в нашем с ней обычном тоне,... напрочь убивая всю романтику этого вечера:

- А тебе?

8 глава. Сумасшедшие русские

- Здесь садися, красавица! - в шлеме и спасательном жилете я сама себе кажусь неуклюжим и необъятным пингвином, но любопытство и какой-то необъяснимый кураж с лихвой перекрывают это неприятное ощущение. "Красавица" - звучит неправдоподобно, но приятно...

Опередив меня, как будто инструктор, привлекательный, но очень уж пошлый на вид тип, обращался к ней, а не ко мне, Варька протискивается на указанное место.

Сажусь на ближайшее. Мне все равно.

Наши вещи, упакованные в приличного размера рюкзаки, спрятаны под брезент во второй шлюпке, или как правильно говорить, тубе. Она меньше по размерам, чем наша, и управляют ею сразу два инструктора.

Мне сразу же вручают весло. Даже представить себе не могу, как им пользоваться! Кручу в руках, пытаюсь разгадать загадку. Но когда мы, наконец, отплываем, приглядевшись к действиям Исмаила, нашего инструктора, увлекаюсь процессом. Даже кажется, что это именно от моих потуг лодка плывёт именно так, как нужно!

А скоро, освоившись, уже получается смотреть на окрестности. Какая же потрясающая красота! Ну, просто глаз не оторвать! И ломаные каменистые берега, и растения необычные, и брызги воды, и ветер, треплющий вылезшую из хвоста прядь волос, - все это так здорово, что я забываю обо всех своих бедах! Лодка быстро несется вниз по течению, и я улыбаюсь!

Потом, ближе к полудню, инструктора устраивают привал в явно приспособленном для этого месте - заготовленные дрова для костра, металлическая тренога, воткнутая над кострищем, и родник с холодной водой неподалёку! Все это великолепие окружено небольшими чахлыми деревцами.

- Красавица, нужен помощь твой, - на ломаном русском Исмаил приглашает меня готовить на всех.

Ну, окей, один разочек, так и быть, сварганю вам что-нибудь! Но не надейся даже, что на мне можно будет "кататься" до конца нашей поездки - в нашем импровизированном отряде целых семь женщин!

Естественно, все разбредаются фотографировать местные красоты. Мы с Исмаилом остаемся вдвоем. И очень скоро он идет в наступление!

Только у костра я понимаю, что он позвал меня готовить вовсе не из желания переложить собственные обязанности, а совершенно по другой причине...

- Ты одинокий? - спрашивает, облизывая липким масляным взглядом.

- В каком смысле? - спрашиваю, хотя мне, естественно, хорошо понятно, в каком...

- Муж есть?

Ну, вот, Настя, сейчас тебе поступит долгожданное предложение переспать от турецкого красавчика! Прыгай от счастья! Варька бы прыгала! Прыгать почему-то не очень-то хочется.

Возвращаю ему придиричивый изучающий взгляд. Высокий. Волосатый. Нос с горбинкой. Лоб с небольшими залысинами. Дочерна загорелый. Лицо интересное, бородатое. Если бы не взгляд этот... можно было бы считать образчиком мужской привлекательности! А так... сразу видно - любитель женщин, привыкший спать со всеми мало-мальски привлекательными клиентами.

- Мужа нет. Но ты не в моем вкусе.

- Вкусе? - радостно улыбается он, по-видимому уловив только то, что муж отсутствует.

Показываю на него, потом на себя. Потом достаю из импровизированной кобуры импровизированный кольт в виде сложенных дулом ладоней и "стреляю" ему между ног - в молодости я занималась в актерском кружке и очень любила это дело! Потом беру котелок и под его ошарашенным взглядом иду в сторону ручья за водой.

- çilgin ruslar(1)! - несется мне вслед.

Почему отказалась? Потому что сердцу любви хочется. Настоящей. На всю жизнь чтобы. А с этим... турецким ловеласом можно только по-быстрому перепихнуться где-нибудь в кустах. А мне так не нужно...

Ночь в палатках на берегу реки под прекраснейшим звездным небом, под пение цикад и журчание воды - предел мечтаний любой романтической девушки... если бы не одно но...

В соседней палатке устроено некое подобие дома для утех. И мой романтический настрой то и дело сбивается жаркими стонами и страстными криками.

И при том, что дома, перед поездкой, мы с Варькой наперебой представляли, как раскованно будем вести себя здесь, на отдыхе, подруга смогла "ответить за свои слова", а я нет.

Я вообще представить себе не могла, как можно переспать с незнакомыми чужим мужчиной, которого знаешь всего несколько часов! А если у него есть жена и дети? Это ведь некрасиво по отношению к ним... Наивная дура! Такие мысли, похоже, приходили в голову только мне одной!

Задумавшись, я долго не обращала внимания на мужские голоса за тонкой брезентовой стенкой. И только когда их хозяева вдруг остановились буквально возле моей головы, насторожилась. Говорили по-турецки, и тут я абсолютно ничего не понимала, но тон! Даже по тону было ясно, что что-то случилось!

1-сумасшедшие русские, пер. с турец.

9 глава. С тобой

- Какого хрена, брат? Можно же было выбрать прогулку на полдня хотя бы! Нет же! Арс захотел с ночёвкой! Да у меня уже не то, что ноги, мозг идти отказывается, а до привала еще полчаса! - ноет, как ребенок, Ильяха.

- А чего ж ты, брат, на старте не возражал против ночевки? Молчал и улыбался!

- Все согласились. У меня просто не было выбора!

- Тогда иди и не ной! Будь мужиком, в конце концов!

Ленка тоже посматривала на меня с недовольством, но шла, отдав свой рюкзак мужу. А вот Ульяна давно уже плелась где-то в самом конце растянувшихся метров на сто туристов.

Нет, ну а что? Лучше всего местные красоты осматривать, так сказать, изнутри, ведь правда? Тем более, что большую часть пути нас везли на машинах, и только десять километров нужно было пройти пешком. Что такое 10 км за два дня? Я думал - ерунда. А оказалось... Пересеченка, постоянный подъём в гору, жарница невероятная... Жесть, короче!

Но так-то оно все ж таки лучше, чем целый день паяться на прелести Егоровой у бассейна!

Думать о ней было как-то стремно, что ли. Намеком своим вчерашним о том, что ее никто не целует, обидел - это сразу понятно было. И разговор наш сам собой свернулся, мы разошлись от валуна каждый в свою сторону. Но мысль не давала покоя - зачем я это сказал? И, самое главное, почему она ничего не сказала в ответ!

Остановились на ночлег недалеко от реки. Инструктора тут же занялись обустройством костра, девушки получили задание собирать хворост, а я пошел за водой в указанном направлении. Там-то и обнаружился еще один лагерь туристов.

Соседний лагерь был от реки как на ладони - шесть оранжевых палаток разного размера, костер, фигурки мужчин и женщин, копошащиеся вокруг. Взглянув на них мельком, я спустился к воде и начал набирать ее в пятилитровую пластиковую канистру.

Интересно, это - русские? Или местные тоже любят отдых на природе?

И уже возвращаясь обратно, зачем-то присмотрелся к этим туристам-соседям. И узнал Егорову! Любезничающую с инструктором, судя по оранжевой футболке с логотипом туристической фирмы (точно в таких же ходят и наши)!

Назад шел, как пришибленный. В голове пусто. Мыслей связных ноль. Кроме одной... Какого хрена мы снова пересекаемся? Как нарочно все это! Это она все! Когда мы договаривались о туре, они с подругой выходили из гостиницы. Скорее всего, потом она подошла к портье и выяснила, куда мы идем и каков будет маршрут!

...Отношу канистры с водой. Предупреждаю Илью о том, где буду. Он ошарашенно кивает. Да, братец, у настоящих мужиков всегда найдутся приключения на одно место! Не то, что у тебя!

И возвращаюсь на то место, откуда наблюдал за их лагерьем. Слежу. Ужинают. Тот самый инструктор постоянно отирается возле нее. Якобы нечаянно по спине проводит рукой! Мудак! Придирчиво отмечаю про себя ее грустный вид и полное безразличие к нему. И мне же должно быть это безразлично, да? Но нет! Я за Егорову сейчас испытываю чувство гордости! Реально! Не повелась на какого-то там!

Догадываюсь, что там, в моем лагере, уже давно ужинают, но, несмотря на дикое чувство голода, просто не могу сил найти, чтобы покинуть свой пост!

А потом, когда уже прилично темнеет, и все расходятся по палаткам, я еще долго сижу на своем наблюдательном пункте и вглядываюсь в темноту, отметив и запомнив, куда именно залезла она! Вот какого хрена, а?

Жрать хочется. Интересно, мне что-нибудь оставили там? Встаю, чтобы идти обратно в лагерь, но ноги сами несут меня совсем в другую сторону!

Соседняя с Настиной палатка сотрясается от характерных движений. Турецкая ночь буквально наполнена запахом страсти и секса! Ого, как тут все горячо! Это секс-тур, что ли, какой-то?

Расстегиваю молнию на ее палатке, заползаю внутрь.

Темно. Но я отчего-то уверен, что она здесь.

- Варь, ты? - спрашивает испуганно, подхватившись со своего места.

- Нет, Егорова, это не она, - отвечаю шепотом, чтобы не засекли местные.

- Соколовский? - узнает по голосу.

И, возможно, мне кажется, но в голосе ее я прямо-таки чувствую радость! Ты мне рада, Егорова? Зря, очень зря!

- Скажи мне, у вас тут очередь на секс-процедуры?

- По ходу да, - прыскает в ответ.

- А ты последняя в ней?

- Я пока не занимала!

- Какого хрена, Насть? Ну, они ж тут спят с клиентками со всех концов земли, блядь! Ну, привезешь в отдел нам какую-тонибудь эскимосскую гонорею! И что делать тогда будем?

- А тебе-то что? Привезу и привезу! - обиженно отворачивается к стене.

- Да может, эта гонорея через... воздух передается!

- Так может, палатка эта тоже заразна? Беги, пока не подхватил!

И рад бы, но зачем-то сижу дальше. Желудок сводит от голода.

- Жрать хочется...

- Какого хрена ты, Соколовский, когда жрать хочешь, всегда ко мне идешь? - возмущенно.

- Потому что у тебя всегда про запас куча вкусняшек?

- Потому что тебя твоя невеста не кормит?

- Кто?

- Ну, эта, селёдка твоя белобрыся!

- А эта... невеста? На диете она постоянно.

- Я тоже, между прочим, на диете!

Растягиваюсь рядом с ней на матрасе. В палатке тепло и немного влажно.

- Что ты делаешь, Арс? - испуганно.

- Я еще и спать хочу...

- Но не со мной же!

Ржу над двусмысленностью фразы, мгновенно вырубаясь. Почему же не с тобой, дурочка? Получается, что с тобой...

10 глава. Не до сна...

Лежит, растянувшись на Варькином месте. Закрываю глаза. Пытаюсь утихомирить сошедшее с ума сердце. Открываю их снова, почти готовая увидеть, что мне придумалось, нафантазировалось это невозможное появление Соколовского в моей палатке за кучу километров от города в чужой стране! Лежит!

От счастья плакать хочется! Ну, как? Откуда? Зачем?

Но вот же он! Рядом! А на все вопросы мне и ответы-то не нужны!

Привыкшие к полутьме глаза жадно напиваются сердцем очертаниями его тела, его профиля... Прислушиваюсь. Дышит глубоко и размеренно. Спит? А мне теперь точно заснуть невозможно. Но я и не хочу!

Устроившись на боку, приподнимаюсь на локте так, чтобы смотреть на него всю ночь. Мне кажется, что могу и всю жизнь так провести... Хотя бы только Варька не вернулась!

Редкие стоны в соседней палатке уже не кажутся мне пошлыми. Наоборот, меня от них теперь в жар бросает, как будто я смотрю порно-ролики, да еще и в компании Соколовского.

"Поцеловать!" - командует расплавившийся от счастья мозг. Глаза выхватывают в темноте палатки его губы. Боже мой, они такие у него... Просто прикоснуться! Он же спит и ничего не почувствует! Наклоняюсь, приближаюсь так близко, что чувствую его дыхание на своей коже! Пульс зашкаливает, отдаваясь звоном в ушах! Сейчас!

Но мозг выдает тревожный сигнал: "Ага, Егорова, было уже! Целовала! Тогда, после корпоратива, когда Соколовский, как примерный коллега, повез тебя домой".

Что несла тогда, что рассказывала ему, к счастью, память не сохранила! Но тот факт, что лезла целоваться, а он отверг, запомнила хорошо! И свои пьяные слезы на его плече тоже...

Фух! Нет! Второй раз так позориться перед ним ни за что не стану! Тем более, что в этот раз списать на действие алкоголя уже не получится.

Насильно заставляю себя думать не о его близости, не о его запахе, упиваясь которым, невольно вдыхаю глубже, но и о том, что он там мне рассказывал. Как попал сюда? Об этом ничего не говорил.

Есть хотел... Там, в котелке, кажется немного гуляша оставалось. Нужно сходить и принести сюда, иначе ведь участники секс-марафона к утру проголодаются и все съедят!

Но когда берусь за молнию, Соколовский хватает за плечо!

- Куда?

Признаться в том, что я ему за едой иду, как-то унижительно, что ли... Сама же говорила про то, что невеста его кормить должна! Поэтому и выпаливаю первое, что приходит на ум:

- Моя очередь идти в соседнюю палатку! - и мне даже кажется смешной эта шутка! Поначалу... Потом, когда Соколовский рывком опрокидывает на подушку и шипит:

- Идиотка! Кошка похотливая! Никуда ты не пойдешь!

- Что-о? Кто-о? Я - кошка? - обидно так, что хоть плачь! Но я никогда рядом с ним не заплачу, даже если слова будут ранить до самого сердца. И не плакала никогда (ну, кроме тех пьяных слез)! - Ты сам! Понял? Ты сам похотливый... козел! Ты сюда себе привез того, с кем спать можно! А я... А я, может, тоже секса хочу!

- Тебе, получается, без разницы, с кем? - в голосе металл...

И в его глазах мне всегда хотелось выглядеть раскованной и имеющей множество поклонников, но быть шалавой, дающей любому желающему - это ведь другое! Так я не могу! Не хочу! Не хочу, чтобы он так обо мне думал!

- Пошутила я... - сгорая от стыда и унижения шепчу ему, вновь берясь за молнию. - За едой для тебя пойду. Там немного каши с мясом оставалось.

- Хм, пошутила она... ненормальная, - презрительным шёпотом. - Так и быть, неси свою кашу. Только учти, я слежу за тобой! Не дай Бог, свернешь не туда, выпорю!

- Чего? Выпорет он! - шепчу уже себе под нос, выбираясь из палатки. - Обалдел совсем...

И что он там... Может, честь отдела нашего надумал защищать? Но ведь и мою честь тоже, получается! И меня штормит снова, как всегда рядом с Соколовским: от обиды и злости мгновенно бросает в чистую радость! Какова бы ни была причина, Арс не хочет, чтобы я спала с кем-нибудь!

11 глава. Приступим

Возле полупрогоревшего костра с трудом нахожу котелок и сложенную мною кучкой вымытую посуду. Стараясь не шуметь, выгребаю ложкой остатки еды.

Бедненький! Он голодный! Уставший! Но вместо того, чтобы поесть и завалиться спать со своей селёдкой, неважно по какой причине, зачем-то пришел ко мне! О-о-о! Он же ко мне пришел! А я тут... издеваюсь, шутки свои глупые шучу!

Заливаю пустой котелок водой из канистры, чтобы завтра легче было его вымывать, и иду обратно. Но успеваю сделать всего пару шагов, как меня перехватывают крепкие мужские руки, нагло обнимая за талию. Надо же! Я, задумавшись, даже не заметила его приближения!

- Люблю женщин, который кушать хорошо! - шепчет в ухо, зарываясь носом в мои волосы. - Ждать тебя, Настя! Иди в мою палатка!

- О, нет-нет, не могу я! Мне к себе надо!

И тебе, Исмаил, лучше бы отпустить меня сейчас! Потому что ты не знаешь, насколько взрывной характер у моего... ночного гостя! Хотя, турок, конечно, крупнее и выше Арса, да и не факт, что Соколовский будет сражаться за меня с ним.

Настойчиво тянет в сторону от нужного мне пути.

- Исмаил, отпусти! Я не хочу! Пожалуйста! - пытаюсь негромко утихомирить его, отталкивая обнимающие руки.

- Мужа нет! Почему не хотеть? - зацеловывает шею, тянет вниз ворот футболки.

Ну, елки! Ну, что за фигня такая-то? У меня там Соколовский от голода помирает, а этот... турецкий проститут почему-то решил соблазнить именно меня!

- Руки! - рываю на него, еле сдерживаясь, чтобы не долбануть, как учили на занятиях по самообороне в учебке, по колену или в пах.

И тут же за спиной Исмаила это же слово вдруг повторяется голосом Соколовского только с еще большим количеством ярости! О, мамочки, сейчас что-то будет! А Соколовский здесь, на минуточку, один! А у Исмаила еще три помощника в палатках кувыркаются...

- Ты кто есть? - резко разворачивается к нему Исмаил.

- Аз есмь муж! - выдает Арс.

Я не выдерживаю и взрываюсь хохотом! Но смеюсь я одна - мужики, набычившись, стоят лицом друг к другу.

- Настя сказал, что нет муж! - вдруг испуганно выдает неожиданно оказавшийся жидким на расправу турок.

- Настя соврал тебе, ловелас турецкий! И будет за это наказан!

Исмаил, подняв примиряюще вверх руки, отходит в сторону. Типа, против мужа законного он не пойдет!

- Настя! Пошел в палатку! Быстро! Пороть буду, неверную! - стебется Соколовский.

Ведь стебется же? Правда?

- Сейчас, Соколовский, Исмаил допрет, что ты - лишний в нашей команде и придет выгонять прочь из лагеря! - весело предсказываю я.

- Пусть попробует, - самодовольно говорит он, пропуская меня в палатку. - Ставь еду в угол, а сама снимай штаны!

- Совсем охренел? - мне вдруг становится страшно! Соколовский - он настоящий мерзавец! Он - непредсказуемая сволочь! С него станется и выпороть меня ради собственного развлечения! - Заигрался в моего мужа? Кто тебе право давал меня бить?

- Ох, Егорова! Какая же ты дура, хоть, вроде, и неглупая баба! Штаны снимай - трахаться будем!

Открыв рот, молча сажу посередине палатки в полном ауте! Он перехватывает миску с гуляшом из моих ослабевших от шока пальцев.

- Вот, чуть мою еду не уронила! - начинает есть, нащупав ложку сбоку в миске. - Вкусно... Давай... Пока я ем... Раздевайся...

Тон Соколовского с каждой проглоченной ложкой еды становится все спокойнее, злость в голосе уменьшается... Может, и бредить сейчас прекратит?

- Арс, ты с ума сошел? Ну, что за глупости такие? Зачем ты это говоришь, вообще? - пытаюсь достучаться до его разума и понять, не шутит ли он надо мной и зачем это все несет!

- Нет, Егорова... Я подумал... Ты сюда поехала ради секса... Так зачем рисковать своим здоровьем... И здоровьем всего отдела... Лучше переспи со мной... Я медкомиссию как раз перед отлетом прошел... Здоров...Для всех безопаснее будет... Ты получишь лучший в своей жизни секс... Мне... тоже хорошо... полегчает немного...

Может, эти турки хреновы в еду чего подсыпали? И теперь вот бабы к ним в инструкторскую палатку табуном бегут, Соколовский бред несет, а я... а мне все это просто снится?

Может, он и нереальный вообще?

Щипаю за бок.

- Эй, ты чего? - обижается он.

- Ты debil, Соколовский? В своем уме? Что за бред? Мы просто в туристический тур отправились и не знали совершенно, что тут такое будет!

- Да тебя пять минут назад этот знойный турок чуть на разложил прямо в кустах! - Он отставляет куда-то к выходу тарелку и двигается в мою сторону. - И если бы не я, никакие "Исмаил, отпусти! Я не хочу!" его бы не остановили! Так что давай не будем морочить друг другу головы и тянуть время! Раздевайся! Приступим.

12 глава. Не дыша

"Приступим!" Как будто мы - хирурги перед операцией, и он мне сейчас не переспать предлагает, а... перчатки продезинфицировать!

- Я не хочу так! - дрожащим голосом заявляю ему.

- С Исмаилом "не хочу"! Со мной "не хочу"! Капризная какая! Я устал, Егорова! Давай быстренько дело сделаем и спать будем!

Соколовский берет руками за край моей футболки и тянет вверх. И как мне быть? Как быть, если я не о таком мечтала! Мне хотелось, чтобы это случилось не потому, что Соколовский спасает в моем лице наш отдел от страшной турецкой болезни, передающейся половым путем (практически жертвует собой), а потому, что желает меня! Мне хотелось, чтобы это был порыв чувств, взрыв эмоций, а не вот такой вот сомнительный расчет! Мне хотелось... Но с другой стороны...

Футболка ползет вверх. И я послушно поднимаю руки. Она улетает в сторону...

С другой стороны... Разве не о Соколовском я мечтала два года? Разве не этот... потрясающе сексуальный, безумно красивый и абсолютно недоступный мерзавец был пределом моих грез? И самое главное, если серьезно... разве ты не любишь его Егорова? По сути, весь вопрос как раз именно в этом! Ведь если любишь, как думала всё это время, какая тебе разница, где, как и по какой причине он будет с тобой?

Только если для него это все будет механическим надуманным процессом, не разобьет ли это твое, Егорова, и без того надтреснутое сердце?

- Ну, чего ты трясешься так? Боишься меня, что ли? - хриплым шепотом спрашивает Арс, стаскивая через голову и отбрасывая следом за моей и свою футболку тоже.

Киваю. Не то, чтобы боюсь, просто это все как-то неожиданно. И да! Да! Боюсь! Ужасно боюсь! Боюсь, что ты посмеешься над моими чувствами! Боюсь, что завтра ты к селедке своей вернешься! Боюсь, что тебе со мной не понравится! А как буду я? Я, как раньше, уже не смогу притворяться!

- Иди ко мне!

Горячие ладони ложатся на мою спину. Обнаженное по пояс мужское тело вжимается в болезненно напряженную грудь, скрытую одним лифчиком. Хватаю ртом раскаленный турецкий воздух! Я знаю, что это ОН сейчас со мной! Но не верю! Не верю!

Губы оставляют ожег на виске. Внутри меня что-то болезненно обрывается... Потом ползут по скуле, замирают напротив моих... В миллиметре! Забываю, как дышать. Сердце разгоняется в груди, и мне кажется, его бешеный стук слышно далеко за пределами палатки!

- Обними меня, - прямо мне в губы!

А я каждый звук чувствую кожей! И этот концентрированный мужской запах - сигарет, дезодоранта, пота голову кружит. Руки послушно ложатся на его спину. Пальцы сжимаются на упругой горячей плоти! Мурашки бегут вдоль позвоночника и, кажется, руки трясутся, как будто я прикасаюсь сейчас к чему-то сокровенному, священному, к чему-то недоступному, но именно сейчас по странному стечению обстоятельств, вдруг ставшему на время моим!

- Арс...

Имя сминается его губами! Язык скользит между моих шокировано распахнувшихся губ. Ударом тока прикасается к моему языку! И я, не осознавая этого, отвечаю!

Голова не соображает совершенно! В ней, кроме мысли, что меня целует Соколовский, только развратное "еще! еще!"! Но тело само знает, что дальше. Это ведь, как с велосипедом - один раз научишься, даже память потеряв, не забудешь, как это делать! Руки изучают его плечи, шею... выше... и вдруг обнаруживают, что если самыми кончиками пальцев трогать

короткий колючий ежик на его затылке, то это странным образом волнует меня и заставляет шумно втягивать носом воздух его!

Сильное, потрясающее на ощупь тело вжимается в меня сильнее. Рука фиксирует за затылок, путаясь в моих растрепавшихся волосах.

Мне хочется тереться об него. Мне хочется... еще ближе... еще сильнее... Чтобы ни миллиметра между нами! Поцелуй из изучающе нежного вдруг становится яростным и жгучим! Задышаемся оба.

- Блин! Да где тут эта долбаная молния? - раздается Варькин голос буквально в полуметре от нас за стенкой палатки.

Арс отрывается от меня. Застываем глаза в глаза. Его - ошарашенные. Надсадное дыхание смешивается. Словно мы не просто целовались, а всё уже случилось!

Мне плевать на Варьку совершенно. Не могу оторваться от него. Веду кончиками пальцев по лицу. Красивый. И мне это можно! Эйфорией наполняет до краев! Она из меня буквально плещется через край! Я словно пьяная.

- Прогоним ее? - спрашивает шепотом, наклонившись к моему уху.

А так можно? О, да! Конечно! Голос не подчиняется мне, и я киваю несколько раз, как болванчик, соглашаясь на всё!

- Эй, подруга! - говорит Арс Варьке. - Пойди-ка ты еще покувыркайся с инструктором. Желательно до утра...

- О! - раздается изумленное за палаткой. Потом, после продолжительной тишины. - Не, ребят! Это вы выходите! Тут у турок наших что-то странное случилось. Они манатки собирают!

13 глава. Разочарован

- Дождь? - поднимаю лицо к небу. - Здесь бывают дожди?

- Угу, - Настина подруга, выползая из палатки, якобы случайно впечатывается грудью в мое плечо. Наглая. Мне обычно нравились такие - с ними ходить вокруг да около не нужно, сами в койку прыгают. Но сегодня никаких эмоций, кроме раздражения, эта девушка вызвать у меня не смогла - во-первых, потому что подруги так, как она, не поступают, а во-вторых, не вовремя она появилась, ох, не вовремя!

- Редко, но бывают. Мне Лео, это один из наших инструкторов, сказал, что раз в пять лет случаются такие вот природные катаклизмы. Причем обычно они приводят к наводнениям в городах из-за плохой сливной системы или селям... в горах. Лео сказал, что нужно всех поднимать и срочно уходить отсюда, иначе с большой горы... как ее там называют... не помню... может поток сойти!

- Поток?

Посторонившись, мы выпускаем Настю. Из-за дождя стало еще темнее - ни звёзд, ни луны на небе не видно. Настю не разглядеть тоже. Что она там думает сейчас? Интересно...

Эх, Настя, Настя... Какого хрена!

Сам не знаю, о чем я. То ли какого хрена ты здесь делаешь, то ли какого хрена нас оставили...

Я разочарован, да. Мне бы зашел этот секс. Совершенно точно зашел бы. И подождали бы сели с наводнениями полчасика, ничего не случилось бы! Но нет же, нет! Егоровой срочно понадобилось узнать, что стряслось!

И это просто химия какая-то, то, что я чувствовал там... И то, что ловил от нее... Это странная, отключающая голову напрочь, химия...

И на фоне этой химии о том, что именно столько времени заставляло меня находиться с Настей в контрах, приходится насильно себе напоминать... Но всё как-то неуловимо изменилось. И если еще неделю назад я даже думать в ее сторону себе запрещал. То сейчас наш возможный секс видится мне вовсе не преступлением. Всего лишь секс. И ничего больше! Иначе ведь будет тут позориться, размениваясь на всяких там турок!

Я - герой? Ну, спасаю же девушку, пусть и таким необычным способом? Значит, герой!

Понимаю, что она мне что-то говорит, только когда слышу свое имя во второй раз.

Так, Соколовский, включайся! Давай, врубай русского опера на полную катушку, выясни поскорее, что тут стряслось и, глядишь, можно будет и обратно Егорову в палатку затащить! Ведь тот ее давний прокол, он, оказывается, сексу не помеха!

К разочарованию примешивается слабенькая надежда, что не все еще потеряно и очень скоро, возможно, даже через какие-то полчасика-час, мы с ней сможем продолжить начатое!

Перебиваю:

- Слушай, Егорова, пошли к вашим инструкторам и все у них сами узнаем.

Обиженно хмыкает, но идет следом.

Возле инструкторских палаток стоит фонарь, типа прожектора, со столбом света, направленным в небо. Вокруг суетятся мужики: собирают вещи, о чём-то возбужденно переговариваются на своём языке.

- Эй, мужики! - окликаю их. - Что здесь происходит?

Они синхронно замирают. Потом один направляет фонарик в нашу с Настей сторону - переводит с меня на нее, останавливается на моем лице.

- Кто такой? - спрашивающий - это явно не Настин воздыхатель. Того я, хоть и видел в темноте, но запомнил!

- Я из соседнего лагеря. Мы там, чуть ниже, на ночлег остановились.

- О, - они перекидываются парой фраз по-турецки, потом один, видимо, самый главный, обращается к нам. - Наша фирма?

- Да, наверное, ваша, - футболки, во всяком случае, у вас одинаковые.

- Предупредить надо!

- Да о чем?

- Дождь. Здесь поток с горы сходит, когда дождь! Накроет нас!

- Да какой же это дождь? Так моросит немного! - не понимаю я.

- Здесь - чуть-чуть! Там, - он показывает лучом фонаря в сторону горного пика. - Сильный! Надо, чтобы они подниматься к нам! Вместе пойдём сейчас дальше. Утром может поздно стать!

- Тогда я их предупрежу! - дергаюсь в сторону той тропы, по которой сюда пришел.

- Давай! - командует турок.

И уже слетая вниз с холма, по подсвечиваемой фонариком еле заметной тропинке, я вспоминаю, как молча и равнодушно отступила в сторону от меня Настя, когда я сказал, что должен предупредить своих. Наверное, обрадовалась, что избавилась от меня...

14 глава. Ревность

Конечно! Бегом понесся спасать свою селедку! Даже не взглянул в мою сторону!

Да нет, Настенька, ты себе тут Соколовского-ангела не придумывай! Он не из благих намерений тебе услугу в палатке оказать собирался! Честно же сказал человек (и как в его ненормальной голове только такое формулируется!), что не желает, чтобы какая-нибудь порно-зараза из Турции приехала в Россию и заразила весь отдел!

И только сейчас до меня вдруг доходит! Это что же получается? Соколовский считает... что я со всеми мужиками из отдела сплю? Ведь такие болячки, они, передаются исключительно половым путем! А наградить отдел я могу только если пересплю со всеми! Ах, ты мерза-а-авец, Соколовский! Ты и не меня спасать собирался, а друзей своих!

А ты сама, Егорова, дура! Надумала себе! Растаяла! А ведь он даже и не пытался соврать, что испытывает к тебе хоть какие-то положительные чувства! Он все честно и сразу называл своими именами!

И во время опасности так же честно рванул спасать благоверную свою селёдку, даже не обратив внимания на тебя!

Но так целовался, скотина такая, что немудрено было не только голову, но и честь потерять! И такой нежный, такой страстный был... Ну, Егорова, есть во всей этой ситуации и положительный момент - будет теперь тебе, что в старости вспоминать! Эх... жаль, что Варька так рано пришла!

Помогаю Варьке и Исмаилу складывать нашу палатку, чувствуя, как слезы смешиваются с каплями дождя!

Так, Егорова! Взяла себя в руки немедленно! И чтобы даже не думала больше о нем! Вычеркнула из памяти мерзавца! Да, вычеркнешь его, если после отпуска все равно в одном отделе работать придется!

Путешественники из соседнего лагеря, возглавляемые Соколовским, появляются у нас на поляне, когда наши инструктора уже собираются уводить нас в кромешной темноте в какое-то, по их словам, безопасное место.

- Все в порядке, Егорова? - озабоченно спрашивает мерзавец, талантливо отыгрывая беспокойство обо мне.

- О селедке своей волнуйся! А я как-нибудь сама справлюсь! - шиплю ему в ответ, не забываясь абсолютно о том, чтобы кто-нибудь, в том числе вышеназванная селедка, не услышал.

- Хм, какая муха тебя уже успела укусить? - с тяжелым вздохом говорит он.

- Турецкая. Муха. Заразная! Держись подальше, Соколовский! Вдруг болезнь передается... половым путем!

- Сенечка, а кто это у нас тут? - селедка, на правах хозяйки Соколовского, сует свой нос в наш разговор.

Хочется в ответ укусить ее посильнее, выдать что-то обидное, но в голове пусто, да и сил нет выдумывать.

Сенечка! Надо же! Какие мы ми-ми-мишные! Молча отхожу в сторону, давая ему возможность самому с ней объясняться.

Наши тюбы, сдутые и сложенные в специальные сумки, инструктора крепко-накрепко привязывают к веткам высокого дерева, разместив на их развилке. Сумки тяжелые - мужчины вчетвером с трудом поднимают их до нужной высоты.

Идем.

Вещи в рюкзаке тяжело оттягивают плечи. Дождь, начинавшийся, как мелкая морось, теперь хлыщет, как из ведра.

До боли в глазах всматриваюсь в тропу, по которой приходится двигаться - в такой темноте с трудом удастся различать крупные преграды на пути, типа большого валуна или ветки, а уж на мелких камешках или по траве ноги постоянно ужасно скользят. Инструктора, видимо, привыкшие к такой дороге, идут почти без напряжения, а вот туристы то и дело падают, сдавленно матерясь по-русски.

- Во угораздило нас, да, Ась? - Варька, поравнявшись со мной, пытается заглянуть в лицо.

- Угу.

- Может, давай, я твой рюкзак немного пронесу? - ее вещи неожиданно подхватил Леон, по-видимому в благодарность за проведенную с ним ночь.

- Да не надо. Я сама, - возражаю я, поправляя натирающие плечи лямки.

- Ты обижаешься на меня?

- С чего бы вдруг? - и правда, с чего бы? Ну, поругались немного вчера в гостинице, но ведь так, без оскорблений. Подумаешь, не сошлись взглядами. Но из-за голубых каких-то потерять лучшую подругу? Нет уж!

- Ну, что я вам с подлецом помешала?

А! Ты про это?

- Нечему там было мешать! - самозабвенно вру я.

- Хм. А мне показалось... Ну, ладно, может, и показалось просто... Но как он оказался у нас в палатке? Как он узнал, что мы рядом лагерем стоим? И чего пришел к тебе? Что хотел? - входит во вкус Варька.

Оглядываюсь. Становится немного светлее, и поэтому мне хорошо видно идущих чуть в отдалении туристов из группы Соколовского. Мерзавец, естественно, свою селедку под руку ловит, когда она поскальзывается (скорее всего, специально)! Прижимает к своему боку. Она (нашла время тоже мне!) радостно смеется, обхватывая его за талию руками! Вот же... Ноги разъезжаются по мокрой траве! Ой! А-а-а-а!

15 глава. Некрасивая

Ульяна виснет на мне, ноет и причитает. Сначала негодует на судьбу из-за того, что непогода невовремя разыгралась. А потом, потихонечку переключается на Лену и Илью, по вине которых оказалась "в этой мерзкой стране". Таким Макаром скоро и до меня дойдёт в своих претензиях.

- Хорошо хоть ты, Сенечка, - и как она такой вариант моего имени выдумать сумела? Меня Сеней даже мать в детстве не называла! Всегда ненавидел этого "Сенечку". - Узнал о том, что опасно останавливаться там, где был наш лагерь? Иначе нас точно бы смыло! Ой, мамочки! Я так испугалась!

Хм, меня Ульяна неожиданно решила выставить героем? Да-а! Ну, окей, подкат заштитан.

Развлекаю себя отвлеченными мыслями под болтовню Ульяны: "Вот, Арс, нормальная же баба, эта Улька! Нахваливает тебя! В рот, можно сказать, заглядывает! На все готова ради тебя, даже в поход пошла! Да что там! Даже в Турцию за свой счет, чтобы тебя захомутать, рванула!"

Но на смену этим, восхваляющим идущую рядом женщину, мыслям, упрямо лезут другие, ругающие ту, которая, не оглядываясь, чешет впереди.

"Вот же упрямая, вредная, наглая! Всё ей не так! Я тут волнуюсь, чтобы с ней чего не случилось, пока меня рядом нет! А она "иди к своей селедке"! Да я к тебе больше и не подойду никогда! И бутеры твои есть не буду, даже не предлагай! И не интересна ты мне абсолютно!"

Но взгляд все время ищет ее спину, ее косу, лежащую сбоку на рюкзаке, ее ягодички, обтянутые узкими шортами. Что она там про диету говорила? Глупая, глупая женщина! Есть бабы, которым не нужно худеть от слова совсем. Потому что немного лишнего веса им к лицу! Вот у Насти, например, все на месте - и грудь, и попа. Ну, не нужно ей становиться такой, как селед... то есть не нужно ей уподобляться женщинам, больше на подростков похожим, у которых и подержаться-то не за что! И как бы я не издевался над нею, упоминая ее же лишние килограммы, делал я это вовсе не потому, что считал килограммы эти уродливыми! Просто это - ее явное больное место. А иногда, после того, как она в очередной раз делала мне какую-нибудь гадость, очень хотелось ударить именно по больному!

Когда она прямо у меня на глазах поскальзывается и, падая, скатывается вниз со склона оврага, мое сердце испуганно ухает куда-то в желудок, а ноги сами несутся следом! Какая там глубина? Живая?

Скользим по склону вместе с Исмаилом.

- Настя! - кричит он.

- Егорова! - пытаюсь добиться ответа я.

Уже почти рассвело, видно, что она ничком лежит на самом дне, почти скрытая густой травой, и я забываю обо всех ее недостатках, в ужасе думая только об одном - хоть бы не сломала себе ничего, хоть бы не убилась, растяпа!

- Егорова, - выдыхаю, первым падая рядом с ней на колени. - Что ж ты неуклюжая такая?

Переворачиваю. На лбу рассечено, кровь льется по лицу - ударились об камень, похоже. А вот и он валяется рядом.

- Настя, - турок следом за мной опускается на колени в грязь тоже. - Живой?

Она открывает глаза. Расфокусированно смотрит на нас.

- Мерзавец... - шепчет, встречаясь со мной взглядом.

- Фух, узнала, - выдыхаю, даже не обидевшись (и не удивившись) на такое нелестное определение. - Где больно, Егорова?

Турок тянет свои ручонки, чтобы ощупать ее, приходится немного оттолкнуть, добавив пару русских непечатных выражений.

Нет, ну, я же ясно ему сегодня вечером сказал, что без вариантов здесь! Что ж эти турки такие непонятливые? Он встает и немного отходит в сторону, рассматривая путь по дну оврага. Наверху столпились наши туристы, но густая растительность, чём-то отдалённо напоминающая наши родные лопухи, надежно скрывает подробности происходящего здесь, внизу.

- Головой ударилась, - Настя щупает разбитое место. - А так, не пойму пока. Язык, кажется, еще прикусила, когда падала... Что ты делаешь... Соколовский!

Игнорируя возмущенные возгласы, ощупываю ее сам.

- Язык - это хорошо. Язык - это значит, по-минимуму будешь ядом плевать...

Пробегаю пальцами по ее ногам, рукам, спускаюсь на ребра - не то, что я такой уж большой спец по переломам, но раз не кричит от боли при прикосновении, значит, все более-менее нормально.

- Как же тебя угораздило-то, неуклюжая? Ты что, оврага совсем не видела? Его так-то метров за сто все успели разглядеть!

- Уйди от меня, Соколовский! - она внезапно всхлипывает, и я удивленно вглядываюсь в немного испачканное кровью, но всё равно красивое лицо. - Отстань! Прошу тебя! Я сама!

- Сама она! Ты сама уже натворила дел! Давай, остороженько, встаем вместе. И прекратила мне тут... истерики свои! Меня в отделе убьют на фиг, если помощь тебе не окажу!

Но жалко, жалко ее безумно. С трудом перебарываю дурацкое желание прижать Егорову к себе и успокоить, приговаривая всякие глупости на ушко. Такая несчастная, беззащитная такая сейчас...

Закусив губу, медленно поднимается, опираясь на меня. Рукой снова щупает свой лоб.

- На самом деле, ничего там страшного у тебя - так царапина просто. Сейчас обработаем и дальше пойдём.

- Теперь я совсем некрасивая, - горько выдаёт она.

Вот дурочка!

- Нет, пара красивых мест у тебя еще осталась! Вот например...

Исключительно чтобы ее немного взбодрить, предварительно убедившись, что никто на нас уже не смотрит, кладу ладонь на ее грудь! И даже успеваю сжать! О-о-о!

- Придурок, - шипит она, лупя по пальцам.

Ну, вот, моей змее немного полегчало!

16 глава. Поговорим?

Ну и пусть Соколовский снова старается ради отдела! Ко мне там, действительно, относятся очень хорошо, не то, что в прокуратуре... Зато я буквально кайфую от ненавидящего взгляда нашей селёдки! Ох, как приятно, отказывается, быть объектом ревности!

Мой рюкзак теперь у него на плече. Ну и, самое главное, держится Арс рядом, постоянно хватая за руку, стоит мне неловко ступить!

Нагло пользуюсь! Нарочно слегка подскальзываюсь и вуаля! На несколько секунд моя рука в его горячей руке! Ох, как же это...

Во время короткого привала располагаюсь на своем рюкзаке, привалившись спиной к огромному дереву. Большая часть туристов, в том числе и Соколовский, уходят в кусты, а ко мне, как крейсер Аврора на рейде, выдвигается его селёдка! Ох, что сейчас будет!

- Я что-то не поняла! - начинает она.

Сейчас я терпеть не стану - яда во мне на целую аптеку! С удовольствием отвечаю:

- Некоторым это вообще не дано... понимать.

На несколько секунд теряет дар речи. А что ты думала, я буду молчать и кланяться? Ага, сейчас!

- Какого ты повисла на моем парне?

- Ну, что ты! Разве же я висла? Это исключительно его инициатива! Сенечка у нас - мальчик непостоянный, ветреный. Сегодня с тобой, а завтра...

- Ты б язык-то попридержала... толстуха!

- А Сенечка любит, чтобы с язычком, - делаю вид, что облизываю чупа-чупс. - Ты разве не пробовала?

И хоть "толстуха" звучит обидно, все равно приятно видеть, как селёдкино лицо идет пятнами от злости!

Когда Соколовский появляется, она демонстративно, типа обижена на него, уходит прочь.

Ловлю его странный прищуренный смеющийся взгляд. Невинно хлопаю ресницами, как дурочка! А что? Я ничего такого...

- Ну, что, подстреленный боец, пойдешь метить территорию?

- Фу, как пошло...

- Зато честно. Что от тебя Ульянка хотела?

- Требовала отдать ей обратно твою руку... и сердце.

- Хм, а ты?

- А что я? Сказала, что могу только глаз выколоть на память.

- Извращенка! - смеется он.

- Есть немного.

- Та-ак, с этого места поподробнее! Вечером в палатке мне показалось, что с твоим опытом все очень и очень скромно!

- Показалось. Я притворялась. Мальчики любят невинных девушек.

- Или раскрепощенных любят больше?

- Наверное, зависит от качества самого мальчика. Хорошие любят невинных. Извращенцы - раскрепощенных.

Команда постепенно собирается, и мы выдвигаемся дальше. Идем рядом, беседуем, как давние друзья...

- Интересная логика. А как же утверждение "противоположности притягиваются"? И почему в мелодрамах героини повально влюбляются в мерзавцев?

Да, про мерзавцев я бы тоже хотела знать! Скажите мне, если кто-то уже нашел ответ - почему нормальные девушки, вроде меня, влюбляются в мерзавцев, вроде Соколовского?

Дождь снова противно моросит, делая картинку вокруг серой и беспросветной. Побаливает голова, а вся одежда вымокла насквозь, кроссовки размокли и хлюпают, но я иду и улыбаюсь, обдумывая свой ответ. Да, Соколовский, с тобой не соскучишься!

- Смотри. Большинство режиссеров мира - мужчины, так?

- Допустим.

- Ну, вот! Это мужики придумали, что девушки любят мерзавцев! - беспощадно лгу я.
- А на самом деле...

- На самом деле они предпочитают скучных ботанов или няшных маменькиных сынков?
- бровь моего мерзавца презрительно изгибается домиком на лбу. Ну, да, ну, да! Себя ты ни к первым, ни ко вторым не причисляешь, естественно!

- Они предпочитают мужчин! Благородных и сильных, жёстких в деле и ласковых в семье, любящих детей, не жадных, умных, с чувством юмора...

- И?

- Что "и"?

- Жду, когда в твоём описании этой фантастической твари появится упоминание о большом члене!

- Что? - теряюсь я и прямо-таки чувствую, как начинает от смущения гореть лицо. А еще немного кружится голова, но это я списываю на последствия удара об камень.

- Ну, ты все штампы книжные собрала. Что там еще в романах о мужиках пишут? "Он стащил трусы. Она, широко открыв глаза, смотрела на огромный, подрагивающий от напряжения, член".

- О, Боже! Соколовский! Ты женские романы читаешь?

- У нас в отделе, если ты помнишь, три бабы следователя вместе с тобой. Часто приходится дежурить в женской компании. Некоторые почитывают подобное, чтоб ты знала!

- А зачем наизусть учил?

- Чтобы невинных девушек, вроде тебя, вгонять в краску. Неплохо, кстати, работает!

17 глава. Про секс

Телефоны не работают. Рации у наших инструкторов тоже. И, конечно, девушкам это мы договорились не рассказывать, но на самом деле ситуация складывается не очень хорошая.

До безопасного места идти километров пятнадцать, а до города, вообще, тридцатник! Это если за нами не приедут. А как за нами приедут, если созвониться и объяснить, где мы, никто не может?

Останавливаться здесь опасно, это даже мне понятно, - узкая дорога между двух больших каменистых длинных холмов. В этом ущелье, по рассказам местных, часто случались оползни.

Главное, по прогнозу погоды, как местные говорят, еще вчера дождя не было... Но факт есть факт - сейчас он шел!

К обеду развлекать Егорову у меня уже не было сил. Да и она все чаще спотыкалась на, казалось бы, ровном пути.

Мы промокли, и было прохладно, но от постоянного движения замерзнуть было невозможно. Только ее ладонь, когда я брал ее в свою руку, сейчас казалась мне ледяной, а лицо - бледным.

Леон, инструктор из Настиной группы, имевший какие-то медицинские познания, сказал, что у нее, вероятнее всего, сотрясение. И ей нужно лежать! А приходится идти!

И что удивительно - она идет и шутит ещё! Выдумывает что-то в ответ на мои глупости! Не ноет! Не проклинает судьбу, погоду, турок и меня...

И кажется, спроси я ее сейчас "Настя, а правда то, что ты в прокуратуре...", она тут же расскажет, как додумалась до такого! Мы посмеемся, и я навсегда выброшу из головы ту глупую историю. Тем более, что, по сути, ничего в ней преступного и не было. Точнее, было, конечно, но ведь не завели же на нее дело...

Но я не хочу об этом спрашивать, хоть и зудит на краю моего сознания постоянно мысль о той давней неприятной ситуации с Настей.

- А ты помнишь, как мы познакомились? - вдруг спрашивает она.

У меня такое чувство, что она подглядывает в мои мысли! Всматриваюсь в мокрое лицо, обрамленное чёрными прядями-сосульками. Оно напряженное, с заострившимися чертами. Ей явно нехорошо, но терпит из последних сил.

- Помню, - вздыхаю я.

- Это хорошо. Было бы обидно, если бы не помнил, - выдает она.

Я понимаю, к чему она ведет и пытаюсь перевести в шутку вдруг ставший слишком напряжённым разговор:

- У меня знаешь, какая память? Я все досье на агентуру наизусть знаю!

Но она не поддается:

- Мне тогда показалось, что я тебе понравилась, - встречаюсь с ее взглядом. А он такой... Горящий! Что за? Может, температура у нее? Этого только не хватало! - Что? Трусишь ответить?

И как отвечать? Правду? Не примет же шутки! И вранье почувствует, я уверен!

- Не трушу. Да. Понравилась.

Что еще тебе рассказать? Что? Что пришёл на следующий день после знакомства с предложением сходить в кино, а тут это вот всё! В прокуратуре дикий скандал! И Настя в его эпицентре... Можно сказать, нулевой пациент!

- Арс? - останавливается резко и хватает меня за руку. Мы давно уже и сильно отстаем от остальных, поэтому с неохотой торможу. У нее губы пересохли и говорит с трудом! А еще ее трясет, кажется! Что делать? Лекарства какие-то нужны! Говорит еще. С надрывом, с болью.

- Почему? Почему все так? Потому что я - толстая? Потому что тебе было стыдно из-за этого со мной общаться?

- Нет. Не по этому, - но и правду сказать сейчас не могу. И сам не понимаю, что такого в ней, в этой правде сейчас! Напоминать ей о том, что было не хочется или признаваться, что я всё знаю об этом? - Насть, у тебя температура? Давай, я потрогаю лоб?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.